

УДК 316.77:81'42:622.333(571.17)

**СУБЪЕКТЫ И ПОЗИЦИИ НА ДИСКУРСИВНОЙ АРЕНЕ «УГОЛЬНОГО РЕГИОНА»:
МЕДИАПОВСЕДНЕВНОСТЬ КУЗБАССА****Пискунова Александра Евгеньевна,**
alexpiskunova@mail.ruКемеровский государственный университет,
Россия, 654041, г. Новокузнецк, ул. Циолковского, 23

Пискунова Александра Евгеньевна, магистр антропологии, независимый исследователь, специалист отдела профессиональной ориентации Кузбасского гуманитарно-педагогического института ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

Статья посвящена осмыслению медиапространства Кузбасса, в котором сформирована дискурсивная среда, заданная динамикой смыслов, образов, символов, сфокусированных на контекстуальной интерпретации угля как ресурса. Цель – выявить механизмы и содержание процессов позиционирования в региональной медиасреде как явлений дискурсивного порядка. Методология: дискурсивный подход к анализу медиаполя «угольного региона». Основное внимание уделяется тому, как обсуждается угледобыча, что сказано, кто говорит и кто отсутствует в медиадискурсе. Результаты: анализ медиасвидетельств позволил идентифицировать различных акторов в сообществе, сформированном региональной моделью угольного экстрактивизма. В рамках медиаполя они вовлечены в коммуникативные практики оспаривания и (вос)производства intersубъективной смысловой реальности. С одной стороны, это дискурсивная коалиция власти и добывающих компаний, которые маскируют заложенные в логику ресурсного экстрактивизма несправедливость и насилие риторикой угля как «общего блага». С другой – голоса «экспертов», которые выносят суждение об экологическом, экономическом, социальном состоянии региона (коренные народы и местные сообщества, непосредственно затронутые воздействием угледобычи), и голос «большинства», которое колеблется между разными позициями в силу политической и экономической лояльности и зависимости от угольной отрасли. Отмечается, что особые дискурсивные эффекты, властные диспозиции и культурные сюжеты глубоко встроены в социокультурную реальность Кузбасса, в которой уголь, как специфическая региональная символическая субстанция, является источником смыслопорождения.

Ключевые слова: Уголь, экстрактивизм, медиа, дискурс, позиционирование, угольный регион, Кузбасс.

Для описания текущего исторического момента, который выделяется своими беспрецедентными уровнями производства и потребления минеральных ресурсов, антрополог Дж. Джака предложил термин «минеральный век» [1]. В исследовательской – и шире социальной – рефлексии фиксируются небывалая интенсификация добычи полезных ископаемых, а также расширение и углубление тех эффектов, которые оказывает экстрактивизм на социокультурные ландшафты нашей жизни [2]. Экстрактивизм сегодня выступает не просто практикой экономической деятельности, в основе которой лежит крупномасштабная, ориентированная на получение прибыли деятельность по извлечению и переработке природных ресурсов для обмена на глобальных капиталистических рынках [3]. Он становится особым образом мышления, идеологией, «переворачивающей почву» как глобальных, так и локальных социально-экономических, политических и экологических структур, культур и взаимодействий, весьма драматическим образом поднимая вопросы, связанные с неравномерным экономическим развитием,

местным распределением прибыли, проблемами стабильности и выживания, изменением окружающей среды [4]. При этом сложный характер добычи ресурсов во все более взаимосвязанном мире устанавливается благодаря постоянному пересмотру и рекомбинации взаимодействий и интерпретаций различных акторов и заинтересованных сторон, объединенных в пространствах экстрактивизма [5]. В современную эпоху политических потрясений, социально-экономических решений и экологического кризиса среди полезных ископаемых именно уголь по-прежнему связан со спорными программами развития во многих частях мира, оставаясь горячей точкой культурной политики вокруг ископаемого топлива [6]. Несмотря на международное обсуждение и национальные решения в пользу поэтапного отказа от угля для смягчения и предотвращения климатических изменений, угольная промышленность продолжает процветать в отдельных регионах и странах, демонстрируя глубокую укорененность и встроенность экстрактивной логики в различных социокультурных контекстах [7, 8]. В российском контексте беспрецедентная экономическая и политическая мощь, а также большое символическое влияние добычи угля обнаруживаются в Кузбассе (Кемеровская область), где имеет длительную историю формирования региональная экономическая модель, ориентированная на экстенсивное освоение запасов угля [9]. Отмечая широкий спектр оценок присутствия угледобычи в жизненном пространстве региона, от механизма устойчивого развития и залога общего благосостояния до причины экологического кризиса и источника социально-экономической несправедливости, необходимо констатировать, что угольная промышленность представляется краеугольным камнем регионального самосознания, которое включено в процессы постоянного культурного производства смыслов.

В процессе дискурсивного конструирования угля как значимого «ресурса» медиа служат важным связующим звеном между публичной сферой и лицами, принимающими решения [10]. Они выступают в качестве «дискурсивного форума», на котором субъекты «нащупывают» и совместными усилиями легитимируют адекватный язык описания региональной реальности [11]. Понимание медиаконтента обеспечивает общее представление о содержании регионального публичного дискурса [12]. Хотя между ними нет прямой причинно-следственной связи и контент СМИ не является единственным фактором, формирующим публичный дискурс, производство, восприятие и понимание медиасвидетельств существенно способствуют построению дискурса по любой интересующей теме. Являясь элементами локальной социокультурной реальности, медийные факты поддерживают общий контекст ценностно-смысловой среды. В процессах формирования дискурсивной субъектности и артикуляции позиций в медийных структурах региональное сообщество вырабатывает горизонт опорных высказываний, поддерживающих его смысложизненные ориентиры. Применение подобной аналитической оптики позволит предложить интерпретацию интеракций в рамках экстрактивизма в формах социальности, которые часто упускаются из виду (либо медиа исключены из анализа, либо основное внимание уделяется отношениям между правительствами и СМИ) [13].

Поскольку производство и трансляция «угольных» смыслов происходят на всей территории области, релевантно изучение медиапространства для продуктивной проблематизации «истории», «наследия», «общественного благосостояния» на территории угледобычи. Так, заинтересованные группы (региональные власти, угольные компании, политизированные СМИ) становятся публичными рассказчиками и производителями информационной повестки, документирующей большую роль угля в жизни региона, а местные жители посредством постоянной практики записи деталей повседневной жизни через фотографии, видео и истории высказывают свои представления об «угольном

регионе». В связи с этим в фокусе анализа настоящей статьи – региональные медиасвидетельства, которые представляют некое поле взаимодействия социокультурных систем, институтов и индивидов, в котором Уголь (с заглавной буквы – как фигура актанта) является ядром смыслопорождения.

Такое понимание согласуется с концептуальным видением экстрактивизма как пространства оспаривания (contestations over extractivism). Оспаривание предполагает интерактивную практику, в которой участвуют по крайней мере два субъекта и которая направлена на (пере)определение норм и значений [14]. В этом месте задача исследователя – идентифицировать позиции на «дискурсивной арене», определить основных субъектов, задающих систему диспозитивов дискурсивной реальности Кузбасса, которая обрамляет локальную модель угольного экстрактивизма. Проблематизация медиаповседневности региона, в которой формируется специфическая локальная дискурсивная картина мира [15], позволит пролить свет на напряженности, переговоры и диспропорции между различными субъектами – с неравными властными позициями и различными повестками дня, мировоззрениями и целями, благодаря которым специфическая модель угольного экстрактивизма и ее множественные реальные и потенциальные эффекты обсуждаются, производятся и в конечном итоге воплощаются [16].

Итак, медиаповседневность угольного региона предстает как динамичное когнитивно-тематическое пространство, в котором формируются релевантные для регионального сообщества (смысловые) позиции, выражаемые во множестве рассеянных высказываний. Причем идентификация «дискурсивной субъектности» связывается с реализацией специфицирующих дискурс целей и своеобразием форм смыслового выражения.

Голос «власти» задет политико-идеологический план дискурсивного производства через инструментализацию культурно-исторического наследия и политику памяти, позволяющую управлять символическими ценностями регионального сообщества. Прошлое Кузбасса, в котором ключевые события и достижения связаны с освоением угля, предъясняется как всеобщее достояние, а профессия угольщика в коллективных представлениях становится своего рода формой патриотизма. Показательный кейс такого позиционирования – стратегии территориального маркетинга и брендинг, реализованные в рамках недавнего переименования Кемеровской области. Указом Президента России от 27 марта 2019 года регион носит название «Кузбасс» в честь сокращенного названия Кузнецкого угольного бассейна. Так, официально созданная только в 1943 г. Кемеровская область несколько лет назад отметила 75-летие, однако после переименования в Кузбасс заговорили о 300-летию территории, отсчёт которого теперь должен вестись с момента открытия Кузнецкого угольного бассейна: *«В 2018-м я собрал всех наших историков и сказал, что нужно поднимать все материалы, всю историю Кузбасса. Всё, что можно найти. Большая группа наших историков включилась в эту работу. И они мне принесли материалы, которые потом легли в основу указа президента о 300-летию Кузбасса. Нашли в архивах, что действительно 6 июля 1721 года запасы нашего угля официально были поставлены на баланс Российской империи. И вот тут у меня как раз и сработало, что мы можем создать мощную мотивационную историю для жителей Кузбасса. И вот эту историю с 300-летием поддержал президент. Как раз у нас оставалось время – 3 года», – С. Цивилев, губернатор Кузбасса* [17]. Этот политический жест пропагандирует уголь как символически представляющий всю экономику региона и одновременно выдвигает актуальную версию прошлого, значимую для сегодняшних политических и культурных практик. Посредством аналогичных технологически хорошо поставленных перформансов угольная отрасль приобретает легитимность, поощряя угольщиков к принятию того, что добыча угля – это не только

работа, но и ценная социальная идентичность, и убеждая местное население в том, что добыча угля является общей ценностью. В основе дискурса региональной власти – концепция «угольного оптимизма», предлагающая культурное видение добычи угля как основы стабильности и процветания в регионе. Такая дискурсивная стратегия направлена на мобилизацию социального воображения, в котором экономическая и культурная самобытность региона тесно связана с углем.

Общий смысловой вектор дискурса власти дублируется в позиции добывающей промышленности и конкретных угольных компаний. Подчеркивается, что добыча угля вносит существенный вклад в местную экономику и социальную жизнь, и выдвигаются аргументы в пользу сохранения существующего уклада, основанные на экономически рациональном страхе перед безработицей и региональным спадом. В то же время в потоке медиаинформации угольная отрасль представлена через упоминания о собственных затратах и выгодах. Таким образом общественность вынуждают сфокусироваться на экономической ценности угля, игнорируя при этом его менее желательные последствия. В связи с ущербом окружающей среде неблагоприятными последствиями для здоровья и социальными патологиями, которые отвергаются как внешние факторы, оставляемые местным ландшафтам и сообществам для произвольного поглощения, промышленность освобождается от «уплаты» истинной стоимости угля. Дискурс добывающих компаний, обоснованный логикой собственного обогащения, ставит экономическую выгоду выше окружающей среды и здоровья человека, способствуя социально и экологически насильственным экономическим процессам, которые поощряют максимизацию прибыли и ее концентрацию в руках немногочисленной группы людей. При этом экономические мотивы угледобывающих компаний завуалированы риторикой корпоративной социальной ответственности. Самостоятельно установленные корпоративные правила, этические и экологические стандарты и процедуры аудита, созданные компаниями для обеспечения лучших практик деятельности, парадоксальным образом оказываются инструментами укрепления «этики отстраненности», которая позволяет ограничить собственную ответственность. Кроме того, оценки воздействия угольной отрасли имеют тенденцию деполитизировать конфликты и рассматривать их как «технические» проблемы. Это также отражается в более широкой тенденции политических властей снимать и делегировать ответственность за социально-экологические последствия инвесторам и компаниям.

Таким образом, в медиаполе «угольного региона» сформирована «дискурсивная коалиция», объединяющая субъектов дискурса вокруг определенных сюжетных линий. На уровне публичного дискурса складываются социокультурные условия, призванные убедить местных жителей в том, что их экономическое выживание зависит от угля. В данном контексте нарушения окружающей среды и насильственные конфликты на местах добычи принимаются как неизбежные «компромиссы», подчиненные императиву создания рабочих мест, увеличения государственных доходов и расширения доступа к «стратегически важным ресурсам».

Символическая сила угля и идеологические стратегии, используемые политическими и экономическими элитами, служат для формирования у «большинства», не встроенного в политэкономические сети угледобычи, готовности обменять социальную справедливость на благополучие и устойчивое развитие региона.

Однако такие обещания «благополучного будущего» имеют важные социальные последствия: они порождают напряженность и разногласия в восприятии существующей модели экстрактивизма. Когда доступ к «общественным благам» сконцентрирован у немногочисленной группы лиц, представляющей топ-менеджмент угольных компа-

ний, «обычным людям» остается нести бремя экстернализации издержек, которое фундаментально вписано в практики добывающего капитализма. В таких обстоятельствах возникают тактики и инструменты противостояния «натурализации» устойчивых режимов ценностей и механизмов власти в регионах добычи ресурсов. Социальные трансформации и динамика конфликтов сопровождаются тем, что можно назвать экстраАктивизм (от англ. *ExtrACTION* (extraction – экстракция, добыча, извлечение; action – протестная акция) [18], активное неприятие и «низовое» сопротивление экстрактивистской логике.

Экстрактивистская деятельность и ее средства все чаще оспариваются на местах, особенно теми, чье понимание мира противоречит или стало противоположным экстрактивистской логике и кто напрямую сталкивается с экстрактивистским насилием и угрозой исчезновения в результате экстракции. Так, в медийном поле Кузбасса представлена позиция «пострадавших» из деревень и поселков, к которым добыча угля «подбралась» слишком близко, или мест компактного проживания коренных малочисленных народов (шорцы). Понимание собственного жизненного пространства, затронутого угледобычей, сопряжено с чувством отчуждения, которое может принимать различные формы: оно может касаться потери земли или территории, потери образа жизни или средств к существованию, несправедливого распределения ресурсной ренты, когда местное население, непосредственно испытывающее последствия добычи ресурсов, оказывается исключенным из получения экономических выгод. При этом «пострадавшие» в попытках добиться улучшения условий существования обнаруживают свою бесправность и бессилие. Вера в то, что «ничего нельзя сделать», преобладает в результате укоренившихся и тотализирующих сил символического поля угольной экономики. Люди выражают глубокое чувство потери и разрушения; в этих местах добыча полезных ископаемых вызвала разрывы в материальной, социальной и онтологической ткани жизненного мира и привела к страданиям и отчаянию. Вопросы окружающей среды и экологической несправедливости, связанные с добычей угля, вызывают на уровне частных дискурсов интенсивное чувство «экологической скорби» (ecological grief) [19], испытываемой в ответ на пережитые или ожидаемые ухудшения состояния окружающей среды из-за хронических экологических изменений. Дискурс «пострадавших» пропитан ощущением кризисности, которое в первую очередь связано с соприкосновением с пустотой. Опустошение относится не только к материальным средам – извлечение угля, оставляющее пустоту в недрах земли, и нарушение экосистем; главным образом это соотносится с обеспокоенностью о будущем, связанным с местом, активно трансформируемым добычей, а также эмоциональной пустотой, поскольку нарушение отношений человека с местом его проживания обладает сильной аффективной интенсивностью. Для местных жителей, непосредственно затронутых добычей, опустошенность не представляет потенциала; она связана лишь с разрушением и символизирует потерю. Поэтому они достаточно цинично и с недоверием относятся к обещаниям региональных элит о проектах «чистого угля» и экологического восстановления. Дискурсивные конструкции, в рамках которых идеологически позиционируются «пострадавшие», встроены в нарративы *выживания*. Их жизнь представляется как процесс непрерывного, мучительного, непрекращающегося ни на день приспособления к ухудшающимся условиям существования.

Слабо завуалированные исключительно экономические интересы угольного бизнеса при этом доступны для смыслового улавливания местными жителями. Добывающие компании предстают в образе «экономического животного», рефлекторно пытающегося максимизировать прибыль и минимизировать издержки. «Пострадавшие» при-

миряются с поведением угольщиков, а основной груз ответственности за положение жителей и перспективы позитивных изменений возлагается на региональную власть. Ее деятельность, поощряющая укрепление волонтеристской модели угольного экстрактивизма в регионе, находит социальное осуждение, в основе которого – представления о «достойном» государственном управлении, «заботе и защите» местного сообщества. Последнее задействует в медиадискурсе обвинительную риторику в адрес действующей власти, неспособной помочь. Ее коммуникативная реализация связана с публичным обращением к «виновным», которое в поле нормативной культуры имеет целью восстановление абстрактной справедливости. В качестве примера такого дискурсивного события приведем цитату из видеообращения жителей поселка Черемза к губернатору Кузбасса С.Е. Цивилеву. Появление такого локального текста связано с противостоянием между активистами и угольной компанией «Разрез Кузнецкий Южный», которая собирается организовать угледобычу на окраинах посёлка, нарушая экологические нормы и соглашение с местными жителями: *«Сегодня в регионе каждый пятый ребенок рождается с пороком развития – это самый высокий показатель в России. Сергей Евгеньевич, не высока ли цена добычи вашего «чистого» угля?»* [20]. Актуализация эквивалентности указывает на процесс согласования в первую очередь символической стоимости – затрат и выгод, ущерба и возмещения, который встроен в оценку воздействия добывающей деятельности. Дискурсивная позиция «пострадавших» с очевидностью исходит не из токсичного понимания ценности как исчисляемой, денежной и немедленной, а фундирована мировоззренческими и этическими системами, определяющими нравственно-экологичный облик человека, который ориентирован на гармонизацию взаимоотношений между сообществами и внутри них и окружающей средой.

Поскольку для людей, чья жизненная ситуация связана с опытом необратимых насильственных изменений, более релевантными оказываются иные коммуникативные поля и практики взаимодействий, нежели *медиавысказывание*, позиция «пострадавших» чаще представлена в медиасреде в залоге противопоставления «угольным элитам». При этом медиадискурс в полной мере освоен условным «большинством», жителями региона, которые непосредственно не испытывают влияние угледобычи и ее издержек, но чье жизненное пространство непреодолимо связано с общим символическим вектором сложившейся культуры угля. Уклончивость, фальшивость, лицемерие, которые вычитываются в высказываниях политико-экономической элиты, поддерживающей экстернализацию издержек экстрактивизма, вызывают у регионального сообщества негативные социальные эмоции, состояния хронического недоверия и подозрительности. Сформированное социокультурное пространство угольного региона, способствующее закреплению практик нерегулируемой и безответственной добычи угля, рождает чувство безнадежности и общую атмосферу фатализма, которая основана на специфическом чувстве долга, проистекающем из истории «служения» региона. Высокая степень лояльности местного населения к существующему экономическому укладу и экологическому порядку часто строится на местной культурной гордости, связанной с историческим статусом угля как важного национального товара и его способности обеспечивать самостоятельность и независимость, но также появляется из страха дальнейших экономических потерь. Зачастую именно экономические представления людей формируют их готовность мириться с опасностями добычи угля. Однако терпимость и пассивность жителей в отношении экологических вопросов можно также рассматривать как эффекты идеологического конструирования угольной промышленности в средствах массовой информации. Зафиксируем социальный факт, оформившийся в особой культуре угля Кузбасса, который высвечивают медиаформы повседневной со-

циальной критики. «Обычные люди» склонны быть реалистами: они редко ставят под сомнение, по крайней мере, в нормальном ходе общественной жизни, общие рамки, в которые вписаны вызывающие возмущение и протест ситуации. На уровне публичных дискурсов происходит закрепление «иерархии знаний», где ценность угля вытесняет другие экономики и оценки окружающей среды.

Практика анонимного «высказывания в сети» способствует «канализации» социальной тревожности, в основе которой – ощущение неопределённости, ожидание отрицательных событий, связанных с социокультурным доминированием экстрактивистской модели развития. Важной частью медиаповседневности угольного региона являются коллективные жалобы и причитания, которые становятся средством выражения социальных проблем, разочарования, маркирующего разделение общества на «жертв» и «негодяев». Подобные «медиалитания», обращенные не к конкретному адресату, а порожденные контекстами дискурсивной среды, являются выработанным локальной культурой способом укрепления коллективного сознания. Медиаактивность конкретного пользователя становится актом публичного выражения мнения «страдающей стороны», которая в дискурсивной практике предстает как морально превосходящая и невинная из-за тягостных и мучительных ощущений, которые людям пришлось пережить. Это также указывает на их силу и выносливость как коллективного субъекта перед лицом трудностей. Такой медиаритуал пробуждает чувство поддержки, безопасности, ощущение того, что они являются частью сообщества. Жители региона, не имея большой власти над своими фактическими условиями существования, организуют свой жизненный мир через коллективные жалобы на эти условия. В такой аналитической перспективе делается более явным общий морально-этический способ представления мира «простыми людьми», который противопоставляется эксплуататорскому характеру неолиберальной политики, составляющей ядро дискурсивной практики региональной власти и угольной отрасли.

В дискурсивном пространстве экстрактивизма одним из системообразующих концептов является «оценка», которая относится к экологическим, экономическим, социально-политическим и ценностно-мировоззренческим вопросам добычи ресурсов. В связи с этим в медиаповседневности Кузбасса присутствует еще один «голос», отражающий позиции «экспертов» по существу воздействия и последствий угледобычи. Помещение в кавычки слова «эксперт» призвано продемонстрировать статус и содержание экспертного знания, которое с необходимостью присутствует в медиаполе угольного региона. Нормативно или научно обоснованные заключения практически не представлены в медиакоммуникации: деятельность угольных компаний – от разведки месторождений до рекультивации земель – социально организуется как не требующая оценки, поскольку имеет в региональной картине мира безусловный, неотвратимый характер. Оценка добывающих проектов в таких условиях выглядит избыточной.

Вместо этого дискурс экспертов присваивается медиасубъектами в практиках «низовой» экспертизы, основанной на гражданской журналистике (citizen journalism) [21]. Это журналистика очевидцев, которые рассматривают распространение основанной на личных впечатлениях информации как форму общественного участия. Их неангажированный голос в дискурсивном пространстве становится сферой выражения «невидимых» в рамках доминирующей культурной модели экстрактивизма проблем и негативных последствий. При этом их социально обоснованная позиция эксперта проистекает не из обладания специфическими знаниями, а из экспертности *высказывания*, исходящей из медиакомпетентности. Содержательно медиаотчеты «гражданских экспертов» представлены свидетельствами нарушения и деградации природ-

ных и социальных ландшафтов в местах экстракции угля, демонстрацией позиции угольных компаний, заинтересованных в максимизации прибыли за счет экстернализации издержек, и *констатацией* бедственного положения на территориях добычи. Однако что стоит за таким стремлением к документированию разрушающихся экологий и опустошения? Обращаясь к пониманию более широких социальных и культурных ролей, которые играют такие образы [22], следует отметить, что в символической проекции они вносят в коммуникативное поле угольного региона идею завершенности. Среди эффектов эксплуататорских практик ландшафт остается «безмолвным свидетелем» чего-то непоправимо преступного. Территории, на которых ведется добыча угля, оказываются в «мире одновременности», в котором настоящее и будущее «сплющены» в непрерывное прошлое. Это символы несостоявшихся промышленных социально-экономических организаций прошлого, в которых наше общество потерпело неудачу. Такие дискурсивные перформансы позволяют пользователям рассматривать, как в музее, что-то бескомпромиссно реальное и значимое, без необходимости сталкиваться с тяжелыми последствиями напрямую. Они оказывают «терапевтический» эффект, позволяя принять травматический опыт, который отдалается и «нейтрализуется» благодаря дистанции между объектом и смотрящим, доступной в медиапредъявлении.

Изложение коммуникативных позиций различных субъектов в общем медийном поле Кузбасса позволило приблизиться к пониманию дискурсивной картины мира «угольного региона», подвижной системы смыслов, которая устанавливается благодаря координации «голосов» в полифоническом пространстве локальной культуры. Медиа-активность рассмотрена как специфически региональная форма коллективного социального действия, направленного на натурализацию социокультурного облика локального экстрактивистского проекта. Настоящая работа демонстрирует, что дискурсивное структурирование социального мира и осуществление процедур позиционирования внутри публичного дискурса происходят в рамках коммуникативных практик оспаривания. В таком когнитивно-тематическом пространстве, центрированном на теме угледобычи и контекстуальном понимании угля как ресурса, формируются значимые смысловые позиции, релевантные для определенного социума и выражаемые во множествах рассеянных высказываний/текстов. Акцентуация норм и практик, которые представляются спорными, является важнейшей функцией регионального дискурса, в рамках которого происходит артикуляция идентичности социальных субъектов. «Социальная история» угля в дискурсе «властных» субъектов рассказывается как пример технологического развития и успешного управления имеющимися ресурсами. На микроуровне она оборачивается замалчиваемой и во многом непроговоренной историей социальной несправедливости и конфликта. Символическая сила угля и идеологические стратегии, используемые политиками и промышленностью, служат для того, чтобы скрыть насилие угольной экономики и отрицать возможность альтернатив. При этом то, что оспаривается местными жителями, относится к широкому кругу вопросов, которые включают управление территорией, доступ к различным ресурсам, защиту прав человека и гражданина и недовольство распределением ресурсной ренты. Таким образом, разные, порой противоречивые семантические коды и дискурсивные стратегии образуют в социокультурном пространстве региона густо переплетенный клубок имеющих к углю смыслов. Медиапространство Кузбасса является дискурсивной ареной, полем возможных смысловых трансформаций, на котором вырабатываются локальные фреймы, относящиеся к политическому порядку, конкурирующим представлениям о природе и ресурсах, специфическим дискурсам экономического развития, а также различным претензиям на справедливость, социальное участие и культурное оформление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Jacka J.K. The anthropology of mining: the social and environmental impacts of resource extraction in the mineral age // *The Annual Review of Anthropology*. – 2018. – V. 47. – P. 61–77.
2. Mining encounters: extractive industries in an overheated world / Eds. R.J. Pijpers, T.H. Eriksen. – London: Pluto Press, 2018. – 192 p.
3. Durante F., Kröger M., LaFleur W. Extraction and extractivisms. Definitions and concepts // *Our Extractive Age. Expressions of Violence and Resistance* / Eds. J. Shapiro, J.-A. McNeish. – London: Routledge, 2021. – P. 19–30.
4. Junka-Aikio L., Cortes-Severino C. Cultural studies of extraction // *Cultural Studies*. – 2017. – V. 31. – № 2–3. – P. 175–184.
5. The anthropology of resource extraction / Eds. L. D'Angelo, R.J. Pijpers. – London: Routledge, 2022. – 249 p.
6. Brown B., Spiegel S.J. Coal, climate justice, and the cultural politics of energy transition // *Global Environmental Politics*. – 2019. – V. 19. – № 2. – P. 149–168.
7. Marley B. From war on poverty to war on coal: nature, capital, and work in Appalachia // *Environmental Sociology*. – 2016. – V. 2. – № 1. – P. 88–100.
8. Frantál B., Nováková E. A curse of coal? Exploring unintended regional consequences of coal energy in the Czech republic // *Moravian geographical reports*. – 2014. – V. 22. – № 2. – P. 55–65.
9. Поддубиков В.В., Арцемович С.А., Функ Д.А. «Ресурсное проклятие» с антрацитовым отблеском: коренные народы и добывающие компании Кузбасса в ситуации конфликта // *Сибирские исторические исследования*. – 2018. – № 2. – С. 142–165.
10. McLennan C.J., Becken S., Moyle B.D. Framing in a contested space: Media reporting on tourism and mining in Australia // *Current Issues in Tourism*. – 2014. – № 20 (9). – P. 960–980.
11. Сидоров В.А. Публичный дискурс и медиасфера: условия и субъекты функционирования // *Журналистский ежегодник*. – 2013. – № 2–1. – С. 15–19.
12. Оломская Н.Н. Медиапространство как поле функционирования дискурсов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2012. – № 2 (13). – С. 113–115.
13. When climate change is missing: Media discourse on coal mining in the Czech Republic / L. Lehotský, F. Černoch, J. Osička, P. Ocelík // *Energy Policy*. – 2019. – № 129. – P. 774–786.
14. Contested extractivism, society and the state. Struggles over mining and land / Eds. B. Engels, K. Dietz. – London: Palgrave Macmillan, 2017. – 273 p.
15. Резанова З.И. Языковая и дискурсивная картина мира – аспекты соотношений // *Сибирский филологический журнал*. – 2011. – № 3. – С. 184–194.
16. Coryat D. Extractivism and resistance: media, protest and power in Ecuador. – University of Massachusetts Amherst, 2017. – 240 p. DOI: <https://doi.org/10.7275/10009245.0>
17. «Мы превращаемся из сибирского провинциального города в перспективный регион»: интервью с губернатором Кузбасса // *NGS42.RU*. URL: <https://ngs42.ru/text/politics/2021/05/26/69934157/> (дата обращения 25.06.2021).
18. Willow A.J. Understanding ExtrACTIVISM. Culture and Power in Natural Resource Disputes. – London: Routledge, 2019. – 294 p.
19. Cunsolo A., Ellis N.R. Ecological grief as a mental health response to climate change-related loss // *Nature Climate Change*. – 2018. – V. 8. – P. 275–281.
20. Понкратов В. В канун годовщины начала противостояния черемзинцы записали видеообращение к Цвилеву // *Novokuznetsk.su*. URL: <https://novokuznetsk.su/news/city/1226659> (дата обращения 16.07.2021).
21. Трофимова И.А. Гражданская журналистика России новейшего времени и ее место в структуре медиополя // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. – 2020. – № 4 (38). – С. 170–179.
22. Ruin porn and the obsession with decay / Eds. S. Lyons. – London: Palgrave Macmillan, 2018. – 245 p.

Поступила 17.02.2022 г.

UDC 316.77:81'42:622.333(571.17)

**SUBJECTS AND POSITIONS IN THE DISCURSIVE ARENA OF THE «COAL REGION»:
KUZBASS MEDIA DAILY OCCURRENCE****Alexandra E. Piskunova,**
alexpiskunova@mail.ruKemerovo State University,
23, Tsiolkovsky street, Novokuznetsk, 654041, Russia**Alexandra E. Piskunova**, MA in Anthropology, independent researcher, specialist, Kemerovo State University.

*The article is devoted to the understanding of the Kuzbass media space. It forms a discursive environment defined by the dynamics of meanings, images, symbols that focus on the contextual interpretation of coal as a resource. **The aim** is to identify the mechanisms and contents of positioning processes in the regional media environment as discursive phenomena. **Methodology**: discursive approach to the analysis of the «coal region» media field. The focus is on how coal mining is discussed, what is said, who is speaking and who is absent from the media discourse. **Results**. The analysis of media facts made it possible to identify various actors in the community formed by the regional model of coal extractivism. Within the media field, they are involved in the communicative practices of contesting and (re)producing intersubjective semantic reality. On the one hand, it is a discursive coalition of the government and mining companies that mask the injustice and violence inherent in the logic of resource extractivism with the rhetoric of coal as a «common good». On the other hand, there are the voices of «experts» who make judgments about the ecological, economic and social conditions of the region, indigenous peoples and local communities directly affected by the impact of coal mining, and the «majority» voice, which fluctuates between different positions due to political and economic loyalty and dependence on the coal industry. It is noted that special discursive effects, power dispositions and cultural plots are deeply embedded in the socio-cultural reality of Kuzbass, in which coal, as a specific regional symbolic substance, exists as a source of meaning generation.*

Key words: Coal, extractivism, media, discourse, positioning, coal region, Kuzbass.

REFERENCES

1. Jacka J.K. The anthropology of mining: the social and environmental impacts of resource extraction in the mineral age. *The Annual Review of Anthropology*, 2018, vol. 47, pp. 61–77.
2. *Mining encounters: extractive industries in an overheated world*. Eds. R.J. Pijpers, T.H. Eriksen. London, Pluto Press, 2018. 192 p.
3. Durante F., Kröger M., LaFleur W. Extraction and extractivisms. Definitions and concepts. *Our Extractive Age. Expressions of Violence and Resistance*. Eds. J. Shapiro, J.-A. McNeish. London, Routledge, 2021. pp. 19–30.
4. Junka-Aikio L., Cortes-Severino C. Cultural studies of extraction. *Cultural Studies*, 2017, vol. 31, no. 2–3, pp. 175–184.
5. *The anthropology of resource extraction*. Eds. L. D'Angelo, R.J. Pijpers. London, Routledge, 2022. 249 p.
6. Brown B., Spiegel S.J. Coal, climate justice, and the cultural politics of energy transition. *Global Environmental Politics*, 2019, vol. 19, no. 2, pp. 149–168.
7. Marley B. From war on poverty to war on coal: nature, capital, and work in Appalachia. *Environmental Sociology*, 2016, vol. 2, no. 1, pp. 88–100.
8. Frantál B., Nováková E. A curse of coal? Exploring unintended regional consequences of coal energy in the Czech republic. *Moravian geographical reports*, 2014, vol. 22, no. 2, pp. 55–65.

9. Poddubikov V.V., Artsemovich S.A., Funk D.A. The «resource curse» with a shade of anthracite: indigenous peoples and extractive companies of Kuzbass in a conflict situation. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2018, no. 2, pp. 142–165. In Rus.
10. McLennan C.J., Becken S., Moyle B.D. Framing in a contested space: media reporting on tourism and mining in Australia. *Current Issues in Tourism*, 2014, no. 20 (9), pp. 960–980.
11. Sidorov V.A. Public discourse and the media sphere: the conditions and subjects of functioning. *Zhurnalistskiy ezhegodnik*, 2013, no. 2-1, pp. 15–19. In Rus.
12. Olomskaya N.N. Media-space as discourses functioning field. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2012, no. 2 (13), pp. 113–115. In Rus.
13. Lehotský L., Černoch F., Osička J., Ocelík P. When climate change is missing: Media discourse on coal mining in the Czech Republic. *Energy Policy*, 2019, no. 129, pp. 774–786.
14. *Contested extractivism, society and the state. struggles over mining and land*. Eds. B. Engels, K. Dietz. London, Palgrave Macmillan, 2017. 273 p.
15. Rezanova Z.I. The language and the discourse picture of the world. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, 2011, no. 3, pp. 184–194. In Rus.
16. Coryat D. *Extractivism and resistance: media, protest and power in Ecuador*. University of Massachusetts Amherst, 2017. 240 p. DOI: <https://doi.org/10.7275/10009245.0>
17. «My prevrashchaemsya iz sibirskogo provintsialnogo goroda v perspektivny region»: intervyyu s gubernatorom Kuzbassa [«We are turning from a Siberian provincial city into a promising region»: interview with the governor of Kuzbass]. *NGS42.RU*. Available at: <https://ngs42.ru/text/politics/2021/05/26/69934157/> (accessed 25 June 2021).
18. Willow A.J. *Understanding ExtrACTIVISM. Culture and power in natural resource disputes*. London, Routledge, 2019. 294 p.
19. Cunsolo A., Ellis N.R. Ecological grief as a mental health response to climate change-related loss. *Nature Climate Change*, 2018, vol. 8, pp. 275–281.
20. Ponkratov V. V kanun godovshchiny nachala protivostoyaniya cherezintsy zapisali videoobrashchenie k Tsvilevu [On the eve of the anniversary of the beginning of the confrontation, Chereznin residents recorded a video message to Tsvilev]. *Novokuznetsk.su*. Available at: <https://novokuznetsk.su/news/city/1226659> (accessed 16 July 2021).
21. Trofimova I.A. Modern Russian civic and citizen journalism and its place in media. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 2020, no. 4 (38), pp. 170–179. In Rus.
22. *Ruin porn and the obsession with decay*. Eds. S. Lyons. London, Palgrave Macmillan, 2018. 245 p.

Received: 17 February 2022.